91985

8 9 2

ТУ–19–241–82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

03—2—098

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

(1882–1969)

Откроем Большую Советскую энциклопедию. Чуковский Корней Иванович... русский советский писатель, критик, литературовед, переводчик. Доктор филологических наук. Почетный доктор литературы Оксфордского университета. Был исключен из 5-го класса гимназии по причине «низкого» происхождения.

...Летописцы будущих веков,
Вот поглядите, что скрыто за этим
бесстрастным лицом,
и я скажу вам, что написать обо мне.
Имя мое—это имя того, кто умел
так нежно любить,
И портрет мой—друга портрет,
страстно любимого другом,
Того, кто не песнями своими гордился,
но безграничным
в себе океаном любви, кто изливал его
щедро на всех...

Так великий американский поэт Уолт Уитмен впервые заговорил русским языком устами Чуковского в 1907 году.

„Я был потрясен новизною его восприятия жизни и стал новыми глазами глядеть на все... Он хочет в любого из нас вдохнуть свой могучий дух, чтоб вместе с ним мы стали творцами“.

Корней Чуковский

Мой Уитмен

„Когда я родился в Петербурге,—вспоминал писатель,—все еще были живы на свете и Григорович, и Гончаров и Тургенев, и Уолт Уитмен.

При мне человечество изобрело автомобиль, самолет, электрический свет, радио, телевизор.

Конечно, мне не очень нравится, когда меня величают одним из старейших писателей нашей страны. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь без малого 70 лет".

Чуковский среди членов коллегии «Всемирная литература».

Каков он был, этот писатель, известность которого напоминает своей необычностью его собственные сказки? Как создался вокруг него целый мир духовных ценностей, бесконечно разнообразный, оригинальный, привлекший внимание великого множества людей?

Смысл его жизни заключался в фанатичной преданности литературе.
Нечто подвижническое было в неустанности, беспрерывности его работы.

„...Чуть только я встаю спозаранку, я тотчас же
веселыми ногами бегу
к одному из своих
рабочих столов
и пишу...

Утром, в постели, я думаю не о политике, не о здоровье моих ближних, не о квартирных делах, а только о том, что я сегодня буду писать.
Я многостаночник, работаю сразу над 2—3 темами, очень разными.

Здесь и историко-литературный этюд, и мемуарный портрет, и детская сказка вроде „Мухи-Цокотухи“ или „Федорина горя“, а может быть, это новые страницы книги „От двух до пяти“ о психике малых детей или новый перевод из Уитмена. Словом, я пытаюсь писать и пишу во всех жанрах“.
11

Произведения мировой классической литературы для детей в переводах Чуковского.

Чуковский писал медленно, обдумывая каждое слово, без конца возвращаясь к написанному, сопоставляя бесчисленные варианты. И вместе с тем литература была для него делом веселым, счастливым—не потому, что легко написать хорошую книгу, а потому, что без легкости, без чувства счастья он не мог бы ее написать.

„Я не могу похвалиться, что счастье—доминанта моей жизни. Бывали и утраты, и обиды, и беды. Почти 90 лет прожито—шутка ли!
Но у меня с юности было—да и сейчас остается—одно драгоценное свойство: назло всем передрягам и дрязгам вдруг ни с того ни с сего, без всякой видимой причины, почувствуешь сильнейший прилив какого-то сумасшедшего счастья.

Эти возвращения в детство чаще всего были сопряжены у меня с таким редкостным и странным душевным подъемом, который я дерзну обозначить устарелым словцом — вдохновение.

Вдруг ни с того ни с сего я испытываю сердцебиение ребяческой радости, которая сильнее меня самого, и тороплюсь без оглядки записать „Бармалея“, или „Путаницу“, или сказку о том,

Как у наших у ворот
Чудо-дерево растет.
Чудо, чудо, чудо, чудо
Расчудесное!
Не листочки на нем,
Не цветочки на нем,
А чулки да башмаки,
Словно яблоки!

Вот почему, когда я на старости лет перелистываю мои давние сказки, иные представляются мне древними памятниками тех приливов внезапного детского счастья.

Когда-то в своей книге „От двух до пяти“ я опубликовал заповеди для детских поэтов, но только теперь, на старости лет, догадался, что ко всем этим заповедям следует прибавить еще одну, может быть, самую главную:

писатель для малых детей непременно должен быть счастлив“.

Вглядимся в этого человека! Каков круг его общения в течении почти 90-летней жизни? Лев Толстой, Чехов, Леонид Андреев,

Блок, Короленко, Репин, Собинов, Горький, Бунин, Куприн, Маяковский, Пастернак, Ахматова и дети, дети, дети. Дети детей, дети внуков... всегда, всю жизнь.

«Чуковский умеет и смеет касаться тем, до которых не решаются спускаться высокопоставленные критики» — так говорил Лев Толстой о Корнее Чуковском.

В 1910 году Чуковский организовал протест литераторов против смертной казни. *„План у меня был простой: обратиться к самым замечательным людям России, чтобы каждый из них написал хоть несколько строк против кровавого террора властей“.*
На его просьбу откликнулись Короленко, Репин, Леонид Андреев.

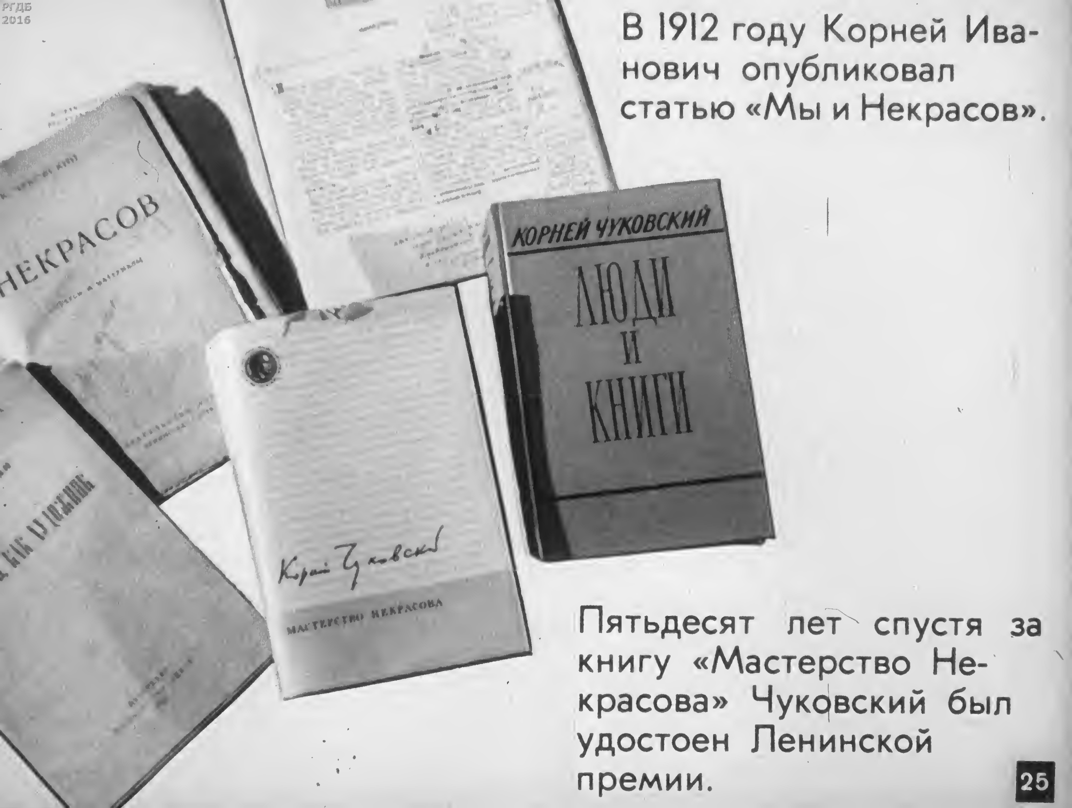
Снимок сделан в мастерской И. Репина в день смерти Толстого. Ноябрь 1910 г.

Лев Толстой написал по просьбе Чуковского статью «Действительное средство». Это последняя статья Толстого, он кончал ее уже в Оптиной пустыни, после ухода из Ясной Поляны. Корней Иванович получил ее в день похорон Толстого.

Что видит Чуковский в Чехове, которого любил всю жизнь?

„У нас думают, что он был минорный, худосочный, малокровный, а он был титанический, жадный к жизни, ярчайший“.

В 1912 году Корней Иванович опубликовал статью «Мы и Некрасов».
НЕКРАСОВ
КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ
ЛЮДИ И КНИГИ
МАСТЕРСТВО НЕКРАСОВА
Пятьдесят лет спустя за книгу «Мастерство Некрасова» Чуковский был удостоен Ленинской премии.
25

Корней Иванович горячо любил Илью Ефимовича Репина, часто позировал ему для его картин и в течение нескольких лет редактировал его мемуары.

Чуковский писал о себе:

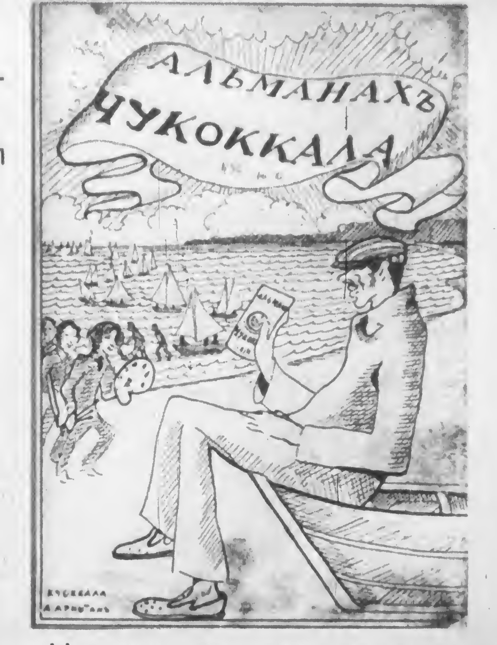
„Мне выпал завидный жребий быть смиренно-восторженным слушателем стихов и поэм в авторском чтении Блока, Ахматовой, Бунина, Маяковского... Думаю, здесь была для меня немаловажная школа литературного вкуса. Вкус я считаю наиболее сильным оружием в арсенале каждого художника“.

Чуковский и Блок. Петроград. 1921 г.

Летом 1914 года, живя на даче под Петербургом, в Куоккале, Корней Иванович завел тетрадь для автографов.

Слово «Чукоккала» составлено из начального слога фамилии—Чук и последних слогов финского слова Куоккала. Список сотрудников «Чукоккалы» огромен.

Кто только не брал ее в руки! Кто не рисовал здесь, не писал шуток и стихов!

Тут великолепнейшие рисунки Репина, выполненные с помощью чернил и окурка.

Шаржи, рисованные Маяковским, стихи Блока, экспромты и записи Горького, Леонида Андреева, Бунина, Куприна... Тут Римский-Корсаков, Шаляпин, Герберт Уэллс, Конан Дойль. Тут Луначарский, художники Добужинский, Александр Бенуа, Петров-Водкин...

Карикатура Добужинского.

Рисунок Маяковского.

К. И. Чуковскому
Сестрорецкий курорт — Электроле-
чебный кабинет. Июль 1924
Картинка с натуры

В уголке, отгороженном
Лампой кварцевой, павлин,
Охлаждая жар мороженым,
Странный, словно херувим,
Сам Корней с улыбкой скромною
Мне Кадонию огромною
Машет мило в знак приветствия,
Предлагая тоже средствие.
Тут же сестры милосердия
И электрической [illegible]
И [illegible]
Держат [illegible] батареей

И меня рать блаженною:
Знают и [illegible] многие
И французскою, и [illegible],
[illegible]

Леонид Собинов

Главная особенность «Чукоккалы» — юмор. Шаляпин здесь не поет, а рисует. Собинов пишет стихи. Трагический Александр Блок сочиняет шутливую комедию. Прозаик Куприн становится стихотворцем.

Так что же это такое—Чукоккала?

Автограф Маяковского.

Альбом?
Да, альбом.

Или история?
Конечно, история.

Автобиография Корнея Ивановича?
Вне сомнений.

Может быть, мемуары?
И мемуары. Маршак метко назвал «Чукоккалу» музеем.
Итак, милости просим в музей Чуковского!

Слышится звонкий голос Корнея Ивановича: *„Из сохранившегося у меня материала, изображающего Чукоккалу, наиболее выразительна прелестная карикатура Ю. П. Анненкова, запечатлевшая обычное наше времяпрепровождение на террасе моей дачи. Терраса эта памятна тем, что именно здесь Маяковский читал отрывки поэмы „Облако в штанах“.*

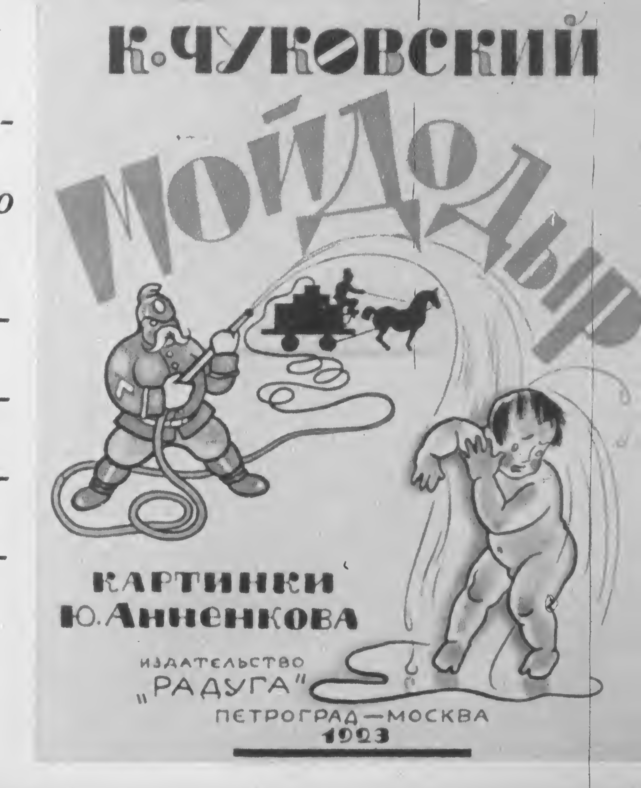

Юрий Павлович Анненков прославился в 1918 году своими иллюстрациями к поэме Блока „Двенадцать“.

Блок был поражен, что посторонний, казалось бы, человек, человек другого поколения, угадал самую суть его „Двенадцати“.

Когда в 1921 году я написал „Мойдодыра", я обратился к Юрию Павловичу с просьбой проиллюстрировать мое сочинение. Он сделал иллюстрации в несколько дней с обычной своей творческой энергией. Рисунки были в полной гармонии с текстом, поэтому первые 20 изданий „Мойдодыра" выходили с этими рисунками".

В 1921 году Чуковский вместе с художником Добужинским организовали в Псковской области колонию для петроградских писателей и художников.
На карикатуре Радлова Чуковский изображен в роли изнуренного пахаря, а Добужинский — в роли бодрого сеятеля.

Вот еще одна страница Чукоккалы.

„В 1924 году мы бродили с Добужинским по Петроградской стороне. Гуляя, мы вышли на Бармалееву улицу. „Почему у этой улицы такое название?—спросил я.—Что это был за Бармалей? Генерал? Вельможа? Придворный лекарь?“—„Нет,—уверенно сказал Добужинский.—Это был разбойник. Знаменитый пират. Напишите-ка о нем сказку“.

Вернувшись домой, я сочинил сказку об этом разбойнике, а Добужинский украсил ее прелестными своими рисунками. Сказка вышла в издательстве „Радуга“, и теперь это издание—редкость“.

Юрий Тынянов 1 декабря 1925 года сделал на странице альманаха «Чукоккала» такую запись:

Сижу, бледнея над экспромтом,
И даже рифм не подыскать.
Перед потомками потом там
За все придется отвечать.

Корней Иванович любил вдруг явиться перед друзьями в этой шапочке, в этой мантии.

Мантия так шла к нему, будто он родился с единственной целью — стать доктором филологии Оксфордского университета.

Немногие из русских писателей удостоены этого звания: Тургенев в 1879 году, почти через столетие — Чуковский, а вскоре после него — Анна Ахматова.

Но ему ничего не стоило сменить этот старомодный наряд на пестрый, из разноцветных перьев, головной убор вождя индейцев.

Он был непоседой. Сплетением эксцентричности с насмешливостью и удивительным здравым смыслом он напоминал иных персонажей классических английских романов или английских комиков из старых фильмов.

Легкий, трудный, праздничный, погруженный в работу, весело-вежливый, любивший жизнь и славу, иронический человек, Великий Умывальник, Знаменитый Мойдодыр, он сформулировал добытый нелегким жизненным опытом всемирный закон нашей жизни:

„Правды без любви к людям не бывает.
Если хочешь быть любимым— люби!“

Прожита огромная жизнь.

«И утро, и полдень, и вечер мои—позади...»

Он познал счастье, вдохновение, сладкую каторгу ежедневного труда, любовь ближних.

Сердце
этого
человека
было напоено
духом любви,
который
врачевал,
исцелял,
утешал
и его самого,
и всех,
кто общался
с ним
в течение
долгой жизни.

К. И. Чуковский и Ю. А. Гагарин.
Весна 1961 г.

Написаны с любовью, знанием дела, с неподражаемой мудростью тысячи страниц, где на совесть отшлифована каждая строка...
48

Это была крупно прожитая жизнь.
Он ушел, оставив нам формулу счастья.

Счастливо сердце, когда расточается...

Счастлив, кто жив и живит.

КОНЕЦ

Автор

Н. ЛЮБИМОВ

Консультант

Е. ЧУКОВСКАЯ

Художник-оформитель

И. БУЛАТОВА

Редактор

Л. ПУШКОВА

В диафильме использованы материалы из книги „Воспоминания о Корнее Чуковском".

М., 1983 г.

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Д-218-84 Черно-белый 0-20 Т20313